

ПРИМЕНЕНИЕ НАЕМНОГО ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ УРАЛА (1926—1929 гг.)

Изучение проблематики, связанной с выяснением характера социально-экономических отношений, началось еще в двадцатые годы. В статьях и брошюрах тех лет были рассмотрены некоторые вопросы этого сложного комплекса. Авторами этих статей являлись партийные, советские, хозяйственные работники, а также экономисты. Их работы писались чаще всего на материалах текущей статистики и не позволяли в полной мере представить всей картины отношений, сложившихся между различными социальными группами крестьянства в советской доколхозной деревне. Поэтому большинство этих брошюр и статей в настоящее время может рассматриваться больше в источниковедческом, нежели в историографическом плане¹. В 30—40-е годы эта проблема историками не изучалась вообще. К широкому исследованию социально-экономических отношений советского крестьянства наши историки приступили после XX съезда Коммунистической партии. Этому в немалой степени способствовало расширение и качественное улучшение источниковедческой базы. Перед исследователями широко раскрылись двери центральных и местных архивов, вышли сборники документов, посвященные характеристике сельскохозяйственного строительства в интересующий нас период. Заметно расширился круг изучаемых проблем и вопросов. Большая заслуга в этом принадлежит В. П. Данилову, который на большом фактическом материале подробно охарактеризовал социальные отношения доколхозной деревни в целом—от единолично-крестьянских до отношений, складывавшихся в колхозах².

Серьезное внимание проблеме уделила научная сессия по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, со-

¹ По Уралу можно назвать такие работы: Ф. Казанский. О классах и экономических группировках в современной уральской деревне. «Хозяйство Урала», 1925, № 7 и 1926, № 8. Он же. Социально-классовая структура уральской деревни. «Хозяйство Урала», 1929, № 1. Он же. «Наемный труд в уральской деревне», Свердловск, 1928; Н. Ишмаев. О классовом расслоении уральской деревни. «Хозяйство Урала», 1926, № 10-11.

² В. П. Данилов. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации. «Исторические записки», т. 55, М., 1956. Он же. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1957. Он же. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. «История СССР», 1958.

стоявшаяся в Москве 18—21 апреля 1961 г. В докладах и сообщениях Ю. А. Полякова, В. П. Данилова, В. Н. Давыдова, А. К. Касьян и др.³ были проанализированы материалы, характеризующие различные стороны социального строя советской деревни. После широкого обмена мнениями участники конференции пришли к выводу, что социальный строй советской деревни накануне коллективизации представлял собой сложное сочетание различных по своему существу отношений — капиталистических и мелкобуржуазных, социалистических и переходных к социалистическим⁴.

В последние годы были предприняты попытки рассмотреть основные закономерности и особенности развития социально-экономических отношений в уральской доколхозной деревне. Это было сделано в работах В. М. Куликова и Н. В. Ефременкова⁵. Основываясь на ленинской характеристике различных категорий крестьянства, В. М. Куликов предпринял попытку выяснить место и значение различных социальных групп крестьянства в сельскохозяйственном производстве. Естественно, что в силу специальной направленности статьи, он не смог показать тех отношений, которые складывались между различными группами населения деревни в процессе производства. Весьма критически следует отнестись к утверждению автора, что на Урале в 1926 г. было в среднем 9,3% кулацких хозяйств⁶.

В работе Н. В. Ефременкова дан более подробный и глубокий анализ социальной структуры и социально-экономических отношений в уральской деревне накануне и в первые годы реконструктивного периода.

В данной статье, написанной на основе архивного и опубликованного материала, предпринимается попытка осветить вопросы, связанные с отношениями найма-сдачи рабочей силы — важнейшей стороной социально-экономических отношений в доколхозной деревне.

***

Ликвидация помещичьего землевладения и национализация всех земель в стране привели к серьезным социально-экономическим сдвигам в деревне.

Революция не только передала в руки трудящегося крестьянства Урала большое количество земель нетрудового пользования, но и в значительной степени перераспределила земельный фонд между различными группами крестьянства. Прямым результатом аграрной революции явилось осереднячивание деревни.

---

³ «История советского крестьянства и колхозного строительства». Материалы сессии. М., Изд-во, 1963.

⁴ В. П. Данилов. Некоторые итоги научной сессии по истории советской деревни. «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 27.

⁵ В. М. Куликов. Укрепление экономической смычки с крестьянством на Урале в 1926—1927. Сб. ст. «Вопросы истории Урала», вып. 39, ч. II, Свердловск, 1961; Н. В. Ефременков. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации. «Вопросы истории Урала», вып. 4, Свердловск, 1963.

⁶ В. М. Куликов. Указ. соч., 1961, стр. 41.

По сравнению с 1916 г. количество беспосевных хозяйств на Урале уменьшилось к 1920 г. с 21,8% до 7,7, а хозяйств с посевом свыше 6 десятин с 20,3 до 9,1%⁷.

Новая экономическая политика способствовала в определенной мере оживлению капиталистических элементов в деревне. Ускорился процесс дифференциации крестьянства, резче стало деление на батраков и бедняков, с одной стороны, на зажиточных и кулаков—с другой.

Об изменении удельного веса различных экономических групп уральского крестьянства дают представление следующие данные (в % к общему числу)⁸:

Группы крестьянских хозяйств	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Беспосевные и с посевом до 2 десятин	50,6	45,9	42,3
С посевом от 2,1 до 8 десятин	45,4	48,5	50,8
С посевом выше 8 десятин	4,0	5,6	6,9

Приведенные данные подтверждают вывод о преобладании в деревне середняцкой прослойки и о некотором росте ее зажиточной верхушки. В этом же направлении происходили изменения и в распределении рабочих лошадей (в % к общему числу хозяйств)⁹:

Группы крестьянских хозяйств	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Безлошадные	26,1	25,2	24,6	22,6
С одной лошастью	44,6	45,4	43,6	43,8
С двумя лошадьми	20,6	21,1	21,6	23,4
С тремя лошадьми	8,7	8,3	10,2	10,2

Гражданская война и неурожай 1921 г. больше всего отразились на бедняцких слоях деревни. Зажиточные и середняцкие хозяйства, которым удалось в какой-то степени сохранить скот и инвентарь, первыми вступили на путь восстановления и расширения сельскохозяйственного производства. При общем подъеме всех слоев деревни рост крупных хозяйств все же шел медленнее, чем сокращение маломощных групп. Еще более быстрыми темпами происходило увеличение числа среднелошадных групп. В этих группах, включавших в себе две трети всех хозяйств, концентрировалось также большое количество крупного рогатого скота. В одно- и двухкоровных хозяйствах в 1926 г. было сосредоточено 77% всего крупного рогатого скота¹⁰.

⁷ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 12, л. 196.

⁸ Уральское хозяйство в цифрах, 1926, стр. 302—303.

⁹ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 797, л. 14.

¹⁰ Уральское хозяйство в цифрах, 1927, стр. 398—399.

Средняя группа концентрировала в своих руках также и основную массу сельскохозяйственных орудий и инвентаря. В 1925 г. на ее долю приходилось 55,1% всех пахотных орудий, тогда как малопосевные и многопосевные группы имели орудий пахоты приблизительно поровну (соответственно 22,5 и 22,4%)¹¹.

Следовательно, в уральской деревне, как и вообще по стране, имел место особый путь развития трудового крестьянства, выразившийся в укреплении и усилении бедняцко-средняцкой массы. Имелся налицо общий подъем всех групп крестьянства, уменьшение числа безлошадных, бескоровных, беспосевных и малопосевных хозяйств. Одновременно происходило некоторое увеличение удельного веса кулацкой прослойки.

Следует отметить, что на Урале средняя группа крестьянства была более мощной, а кулацко-зажиточная верхушка более многочисленной, чем в целом по стране. Это можно проследить по нескольким данным за 1926/27 гг. (в % к общему числу хозяйств)¹²:

	Пролетариат	Бедняки	Средняки	Кулаки
СССР	10,0	23,3	62,8	3,9
РСФСР	10,0	23,3	63,3	3,7
Урал	4,7	21,4	69,9	4,0
Зауралье	4,6	17,1	72,8	5,5

Главенствующее положение середняка в сельском хозяйстве Урала подтверждается материалами динамической переписи 1926 г. о распределении основных средств производства между различными группами крестьянства (в % к общему количеству)¹³:

	Рабочих лошадей	Коров	Полевого инвентаря	Посевной площади
Бедняки	11,4	20,0	3,5	13,5
Средняки	68,2	52,4	52,6	63,7
Зажиточные	20,4	17,6	43,9	22,8

Конечно, невозможно точно выяснить и определить состав социальных групп крестьянства только по описанию внешних количественных признаков его хозяйства (размер посевной площади, число рабочих лошадей, количество сельскохозяйственного инвентаря). Необходимо всесторонне изучить те отношения, которые складывались между различными группами населения деревни в процессе сельскохозяйственного производства. Только тогда можно представить сущность социально-экономического развития уральской доколхозной деревни.

Уравнилительное распределение земель, ограничительные меры со-

¹¹ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 419, л. 173.

¹² Таблица составлена на основе следующих данных: Статистический справочник СССР за 1928, стр. 89; Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929, стр. 35.

¹³ ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 13.

ветской власти по отношению к кулацким хозяйствам, всесторонняя помощь государства бедноте создали более благоприятные условия для развития беднейших крестьянских хозяйств, но это не могло привести к хозяйственному уравниванию и полной ликвидации экономического неравенства среди крестьянства. В условиях сохранения частной собственности на средства производства и роста товарности сельского хозяйства неизбежно существование капиталистических элементов и эксплуатации бедноты зажиточной верхушкой деревни.

Своеобразие происходившего в деревне расслоения заключалось в том, что основным элементом его стала не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превратившиеся в орудие накопления и средство эксплуатации маломощных слоев¹⁴.

Если обратиться к данным, характеризующим распределение скота среди различных социальных групп уральского крестьянства в 1927 г., то получится следующее (по материалам выборочной гнездовой сельскохозяйственной переписи): 23,0% пролетариев (сельскохозяйственных рабочих) не имели никакого скота, а 74,5% не имели рабочего скота, в то же время среди кулацких хозяйств 34,0% имели две головы рабочего скота, а 52,5% — три и более¹⁵. Аналогичная картина наблюдается и при рассмотрении распределения инвентаря. В 1927 г. 27,6% крестьянских хозяйств вообще не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря, а 35,1% хозяйств не имели пропашного инвентаря. Значительная часть инвентаря, особенно усовершенствованного, находилась в руках кулаков и зажиточных. Причем, на каждое кулацкое хозяйство его приходилось значительно больше, чем на хозяйства других групп. По данным динамической переписи 1927 г. по области на каждое хозяйство различных социальных групп приходилось машин и орудий на следующую сумму (в рублях на хозяйство)¹⁶:

Всех средств производства			Сельскохозяйственных машин		
пролетариат и полупролетариат	середняки	полу и мелкокапиталистические группы	пролетариат и полупролетариат	середняки	полу и мелкокапиталистические группы
192,7	469,7	1018,3	6,7	33,5	77,0

Весьма показательны сведения, полученные в результате весеннего опроса 1927 г. Опросу подверглось 1241 тыс. хозяйств, которым принадлежало 348 тыс. плугов, 29,5 тыс. сеялок, 90 тыс. уборочных машин и 130 тыс. веялок и сортировок¹⁷.

¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, ч. I, стр. 850.

¹⁵ Уральское хозяйство в цифрах, вып. 4. Сельское хозяйство, 1930, стр. 478—479.

¹⁶ ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 285, л. 32.

¹⁷ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 1210, л. 6.

По посевным группам эти машины и инвентарь распределились так (в %) ¹⁸:

Группы хозяйств	Процент хозяйств	Плуги	Сеялки	Уборочные машины	Вейалки и сортировки
Беспосевные и с посевом до 3 десятин	58,2	23,3	10,4	6,4	22,5
С посевом от 3,1 до 10 десятин	37,7	61,9	56,2	57,9	58,8
С посевом от 10,1 и выше десятин	4,1	14,8	33,4	35,7	18,7
Итого	100	100	100	100	100

Зажиточная верхушка сконцентрировала в своих руках наиболее сложные и дорогостоящие сельскохозяйственные машины — сеялки, уборочные машины, сортировки и вейалки. Отсутствие рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря у бедноты, избыток их в кулацких хозяйствах порождали отношения зависимости и эксплуатации маломощных слоев деревни. Поэтому в доколхозный период широкое распространение получили отношения найма-сдачи рабочей силы, аренды земли и средств для ее обработки.

По данным весеннего выборочного обследования 1927 г., только 64 % крестьянских хозяйств Урала обрабатывали пашню своим скотом, 16 % — исключительно наемным, 14 % — супругой, остальные — прочими способами ¹⁹.

Материалы весеннего обследования помогают выяснить также степень распространения отношений найма-сдачи скота среди различных групп крестьянства. Как правило, устойчивым наймом рабочего скота отличались среднепосевные и малопосевные хозяйства ²⁰: более 80 % хозяйств с посевом до 0,09 десятин, 52,4 % хозяйств с посевом до 0,1 десятин, 25,8 % хозяйств с посевом от 1,1 до 2 десятин и т. д.

Преимущественно своим скотом пашню обрабатывали хозяйства с посевом от 8,1 до 25 и более десятин, причем одновременно они сдавали свои средства производства напрокат. В найме инвентаря наибольшее участие принимали также бедняцкие и середняцкие группы. Из 18,5 % крестьянских хозяйств области, прибегающих к найму инвентаря, почти половина приходится на хозяйства, сеявшие до 3 десятин. И, наоборот, хозяйства, имевшие в своем пользовании свыше 8 десятин полевого посева к найму инвентаря прибегали в редких случаях ²¹.

Итак, крайне неравномерное распределение рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря среди различных социальных групп

¹⁸ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 1210, л. 6.

¹⁹ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, Свердловск, 1928, стр. 162.

²⁰ Там же.

²¹ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, 1928, стр. 163.

уральского крестьянства, общий недостаток того и другого приводили к довольно широкому распространению отношений найма-сдачи рабочего скота и инвентаря. В эти отношения были втянуты, главным образом, бедняцкие и кулацко-зажиточные хозяйства, а также часть середняков.

★ ★ ★

Одним из важных элементов социально-экономических отношений доколхозной деревни было применение наемного труда. Дело в том, что безлошадные и безынвентарные элементы деревни часто не имели возможности нанимать средства производства, и они либо шли продавать свою рабочую силу богатому соседу, либо сдавали землю в аренду.

В 1922 г. вместе с разрешением аренды земли советское правительство легализовало в крестьянском хозяйстве и наемный труд. В 1925 г. были изданы «Временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах» (декрет СНК СССР от 18 апреля 1925 г.). В «Правилах» определялись условия найма батраков, предусматривались заключения письменных соглашений между нанимателями и наемными рабочими, регистрация всех договоров в сельсоветах, запрещалось применять труд подростков моложе 12—14 лет, устанавливался уровень зарплаты не ниже государственного минимума и т. д.

Таким образом, разрешая наемный труд, правительство старалось поставить его под свой контроль и регулирование. Естественно, что кулацкие элементы всячески скрывали наем рабочей силы, не оформляли договора или не регистрировали их. Поэтому статистические данные о наемном труде ниже фактических.

Но даже по этим, явно заниженным данным видно, что отношения найма-сдачи рабочей силы на Урале получили довольно широкое распространение. Динамика роста наемных рабочих на Урале представляется в следующем виде²²: 1897 г.—38,8 тыс. человек; 1917—53,6; 1920—21,3; 1926—116,9; 1927—130,9 и в 1928 г.—111,1 тыс. человек. По сравнению с 1920 г. число наемных рабочих в сельском хозяйстве Урала выросло более чем в пять раз. Уже по одному этому сопоставлению можно судить о масштабах применения наемного труда в деревне. Высокий темп роста применения наемного труда в сельскохозяйственном производстве Урала виден из сравнения данных о времени, отработанном сроковыми рабочими в течение нескольких лет (в условных единицах человеко-лет)²³: в 1924 г. отработано 19044, 1925 г.—29546, 1926 г.—43385 человеко-лет. Следовательно, за три года использование наемного труда в сельском хозяйстве Урала выросло более чем в два раза. Конечно, не все крестьяне, нанимавшиеся на сельскохозяйственные работы, становились объектом капиталистической эксплуатации. Из общего числа 116,9 тыс. батраков, насчитывавшихся в 1926 г., 84,8% были заняты на полевых работах в крестьянских хозяйствах, 4980 человек в лесничестве,

²² Наемный труд в сельском хозяйстве Урала, Свердловск. 1926. стр. 8, 10.

²³ ПАСО, ф. 4, оп. 4, д. 365, л. 116.

2947 — в низовой сельскохозяйственной кооперации, 2698 — в совхозах, 2366 — в мелких кустарных предприятиях, в ККОВ — 592 человека и т. д.²⁴

Капиталистической эксплуатации подвергались прежде всего сельскохозяйственные рабочие индивидуальных хозяйств, отдельных групп домохозяев, а также нанимавшиеся для работы в сельских обществах. Из общего количества сроковых рабочих Урала в 1928 г. работали в единоличных крестьянских хозяйствах 87219 человек (78,5%), у групп домохозяев (главным образом пастухи) 5548 человек (5%) и в сельских обществах 18366 человек (16,5%)²⁵. По роду занятий около половины наемных рабочих были заняты непосредственно на сельскохозяйственных и полевых работах, 1/5 составляли пастухи и подпаски, 1/5 няни, остальные — промысловые и прочие²⁶.

Наем рабочей силы в крестьянских хозяйствах осуществлялся в индивидуальном и коллективном порядке. Коллектив (общество, группа домохозяев) нанимал главным образом пастухов и подпасков. Положение их было несомненно лучше, нежели сроковых рабочих, нанимавшихся к отдельным хозяевам, ибо условия купли-продажи рабочей силы здесь легче контролировались органами Советской власти. Индивидуальный наем — это в основном наем единоличными крестьянскими хозяйствами. В целом по Уралу в той или иной мере в отношении найма-сдачи рабочей силы было втянуто больше половины крестьянских хозяйств, в том числе 32,0% в качестве нанимателей и 20,8% в качестве нанимаемых²⁷.

Существовало всего две формы найма в сельском хозяйстве. Первая — это когда нанимался рабочий без средств производства. В этом случае наниматель предоставлял батраку свой инвентарь и тягловую силу. Такая форма найма самая распространенная, когда на одном полюсе владелец средств производства, а на другом — рабочий-батрак или поденщик, не имеющий рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря для обработки своего надела и вынужденный наниматься к богатому соседу. Не вызывает сомнения, что данные производственные отношения собственника средств производства и безлошадного и безынвентарного крестьянина являются капиталистическими. Вторая форма найма — это когда нанимаемый (поденщик или сдельщик) приходит к нанимателю со своим инвентарем и тягловой силой. В этом случае речь может идти только об использовании инвентаря и рабочего скота. Поэтому далее рассматриваются лишь отношения найма рабочей силы непосредственно.

По данным обследования 1927 г. к продаже рабочей силы прибегали 74,1% хозяйств без средств производства, 73,2% хозяйств со стоимостью средств производства не свыше 100 руб. и 59,0% хозяйств со стоимостью средств производства от 101 до 200 руб.²⁸ В составе

²⁴ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 2, д. 154, л. 159.

²⁵ Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале, стр. 34.

²⁶ Там же.

²⁷ Уральское хозяйство в цифрах, 1929, стр. 490, 494.

²⁸ Там же.

хозяйств, искавших заработка на стороне, явно преобладают пролетарские и полупролетарские слои деревни. С ростом обеспеченности хозяйств средствами производства сокращалась доля участия их в продаже рабочей силы. В группе середняцких хозяйств к отчуждению своей рабочей силы прибегали 28,9%, а в кулацкой группе 6,7% хозяйств²⁹. Малоимущее хозяйство бедняков и части середняков не обеспечивало прожиточного минимума семьи. Лишенная средств производства для обработки своего надела крестьянская беднота сдавала его частично, а иногда и полностью в аренду и шла искать заработков вне своего собственного хозяйства, на стороне. Данные весеннего обследования 1927 г. позволяют конкретно представить социальный состав уральского батрачества, его связь с хозяйством. При этом обследовании был поставлен вопрос: для каких семей работа по найму в сельском хозяйстве есть главный источник существования? Всего таких хозяйств-семей, проставивших в графе «основное занятие» — сельскохозяйственный рабочий», оказалось 3971, что составляет 3,18% от всего числа опрошенных.

Материалы опроса показывают, что среди сельскохозяйственных рабочих 34% не имели посева, 91% были без сельскохозяйственного инвентаря и 81% без рабочих лошадей³⁰. Таким образом, сельскохозяйственные рабочие являлись представителями наиболее слабых в экономическом отношении групп сельского населения. Около трети из них даже при наличии надельной пашни не имели возможности обрабатывать ее и вынуждены были сдавать в аренду³¹. В том же случае, когда сельскохозяйственные рабочие пытались обрабатывать собственную пашню, делали они это преимущественно наемным скотом и инвентарем. Почти 3/4 хозяйств данной категории (из числа тех, которые вели собственное полевое хозяйство) прибегали к найму и скота и инвентаря одновременно³². Расплачивались за нанятый скот и инвентарь, главным образом, отработками (соответственно 59,8 и 59,1% хозяйств)³³. Отработки являлись одной из наиболее тяжелых и замаскированных форм закабаления бедноты кулачеством. Зажиточные элементы использовали свой рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь как средство получения почти даровой рабочей силы. Одним из важных обстоятельств экономического упадка хозяйств сельскохозяйственных рабочих является то, что их семьи почти на две пятых не имели работников-мужчин³⁴.

Приведенные материалы характеризуют данную группу батрачества как наиболее пролетарский слой деревни, для которого продажа рабочей силы была главным средством существования.

Итак, основным источником наемной рабочей силы на Урале был

---

²⁹ Уральское хозяйство в цифрах, 1929, стр. 494.

³⁰ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, стр. 40, 47, 48.

³¹ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, стр. 43, 44.

³² Там же, стр. 45.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 52.

сельскохозяйственный пролетариат, не имевший или почти не имевший средств производства, а также бедняцкие слои населения, вынужденные наниматься. В 1927 г., по данным бюро статистики труда, уральское батрачество имело следующий состав³⁵: без надела, лошади и посева—25,7%; с наделом, без посева и лошади—16,5; с посевом, без лошади—43,1; с лошастью, без посева—4,0 и с посевом и с лошастью—10,7%. Более чем для 45% батраков (пролетарский элемент) работа по найму являлась единственным источником существования, для 43%—основным (полупролетариат) и только 10%, имеющих свое хозяйство, отпускали рабочую силу не систематически. Отношения найма-сдачи рабочей силы выглядят еще более конкретными и определенными, если их рассмотреть применительно к основным сельскохозяйственным зонам Урала и по различным социальным группам крестьянства. По данным динамической переписи 1926 г. рабочую силу отпускали (в % к общему числу хозяйств)³⁶:

Зоны Урала	Бедняки	Середняки	Кулаки	По району
1. Центральное Предуралье	59,6	15,6	6,7	25,9
2. Южное Предуралье . .	77,0	29,8	8,9	45,0
3. Горнозаводской Урал	78,5	47,3	16,7	58,1
4. Северное Зауралье . . .	52,6	8,7	3,1	18,5
5 Центральное Зауралье	37,5	2,9	3,7	11,5
6. Южное Зауралье	55,3	4,8	0,9	31,5

Отчуждают рабочую силу больше всего в Горнозаводских районах Урала, Южном Предуралье и Южном Зауралье. Высокий процент отпуска рабочей силы во всех трех категориях хозяйств Горнозаводского Урала объясняется близостью промышленных предприятий,строек, плохим качеством земли, большим числом безлошадных и безынвентарных хозяйств. Именно в этой полосе почти две пятых (в 1927 г.—37,07%) сельского населения показали в качестве главного занятия—наем на работу вне сельского хозяйства, четверть опрошенных хозяйств была связана с заводами (заводские рабочие)³⁷. В сельскохозяйственных районах Южного Предуралья и Зауралья практиковали отпуск рабочей силы в значительных размерах, главным образом, бедняки, меньше середняки и совсем в незначительных размерах кулаки. Здесь следует иметь ввиду различное социальное значение отпуска рабочей силы. Если для зажиточных—это чистое предпринимательство, дополнительный доход, то для бедноты и маломощных середняков—дополнительная зависимость, вынужденная необходимость.

Противоположная картина наблюдается при рассмотрении категорий хозяйств, применявших наемную рабочую силу. В целом по

³⁵ ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 323, л. 5.

³⁶ ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 13.

³⁷ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, стр. 105.

Уралу к найму рабочей силы в 1927 г. прибегало 32% хозяйств. Но экономическое значение найма в различных группах крестьянства было неодинаковым. Размеры найма рабочей силы по классовым группам можно представить по материалам переписи 1926 г. (в % к общему числу хозяйств)³⁸:

Зоны Урала	Бедняки	Середняки	Кулаки	По району
1. Центральное Предуралье	18,3	33,3	86,7	28,9
2. Южное Предуралье . .	34,9	32,2	75,6	35,1
3. Горнозаводской Урал . .	29,7	39,6	92,6	41,0
4. Северное Зауралье . . .	35,6	65,5	94,8	54,3
5. Центральное Зауралье .	19,2	35,5	94,8	33,5
6. Южное Зауралье	21,5	41,8	79,6	42,7

В подавляющем большинстве случаев основным потребителем наемного труда в сельском хозяйстве по всем зонам были кулацкие хозяйства. Наем рабочих бедняцкими и частично середняцкими слоями деревни носил временный характер и не преследовал цели извлечения капиталистической прибыли. Наем работников маломощными и средними (по посеву) хозяйствами объяснялся очень часто недостатком рабочих рук, болезнью трудоспособных членов семьи. Так, по Курганскому округу эта причина заставила прибегать к наемному труду 23,1% обследованных хозяйств, в Ишимском—9, в Шадринском—18,7 и в Кунгурском—47,1% хозяйств³⁹. В то же время в кулацко-зажиточной группе наем носил ярко выраженный предпринимательский характер. Это подтверждается материалами весеннего выборочного обследования 1927 г.: 19,3% многопосевных хозяйств (с посевом свыше 11,03 га) имели наемных работников в момент опроса, 22,2% — в течение года и 63,3% хозяйств этой группы одновременно арендовали пашню⁴⁰. Если взять среднее количество дней найма на каждое нанимавшее хозяйство, то окажется, что на бедняцкое приходилось 17,6 дней найма, на середняцкое—42,8, а на кулацкое—129,5 дней⁴¹. Количество крестьянских хозяйств, пользовавшихся наемным трудом, возрастало из года в год (за исключением последних лет перед сплошной коллективизацией). Оно росло, главным образом, в результате увеличения масштабов найма в кулацких хозяйствах. Так, если в 1925 г. на Урале в хозяйствах с посевом свыше 10 десятин было сосредоточено 21,1% наемных рабочих, то в 1926 г.—уже 27%⁴². Существовали следующие виды найма: постоянный, срочный, поденный и сдельный. Наибольшее распространение имели поденный и сдельный. В Уральской области в 1927 г. из всех хозяйств, нанимавших рабочую силу, срочных рабочих имели 7,4%,

³⁸ ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 12.

³⁹ ПАСО, ф. 4, оп. 4, д. 375, л. 62.

⁴⁰ Уральское хозяйство в цифрах, 1930, вып. 4, стр. 444.

⁴¹ Уральское хозяйство в цифрах, 1929, стр. 490.

⁴² ЦГАОР, ф. 374, оп. 9, д. 431, л. 332.

поденных и сдельных—25,2% хозяйств⁴³. Рабочих с поденной оплатой индивидуальные крестьянские хозяйства нанимали гораздо чаще, чем сроковых. Но, поденный наем обычно бывал краткосрочным, только на период особого напряжения сельскохозяйственных работ, например, на несколько недель или даже дней во время жатвы, покоса или посева. Сроковый наем (не менее месяца) был более постоянным и продолжительным, он поглощал около половины всего чужого затраченного труда в крестьянских хозяйствах, а в Зауралье даже 64%⁴⁴.

Данные весеннего опроса 1927 г. дают ответ на вопрос, какие слои крестьянского населения пользовались сроковым наймом⁴⁵:

Посевные группы	Количество хозяйств, в % к общему итогу	Процент хозяйств по каждой группе, имевших сроковых рабочих в момент опроса	Распределение общего числа сроков, рабочих по посевным группам нанимателей	Из общего количества сроков, рабочих по гр. нанято для сельского хозяйства, %	Из числа сель-хоз. рабочих нанято на срок больше 3 месяцев	На одно нанимающее хозяйство приходится сроковых рабочих
1. Беспосевные и с посевом до 0,1 дес.	12,4	0,96	3,4	24,0	86,5	1,04
2. Малопосевные (до 3 десятин)	45,7	1,38	18,5	55,1	80,7	1,05
3. Среднепосевные (3—8 десятин) . .	34,2	4,08	41,7	71,2	85,0	1,08
4. Многопосевные (свыше 8 десятин)	7,7	15,35	36,4	93,0	90,1	1,13
Итого	100	3,31	100	78,8	86,7	1,09

Таблица показывает, что к найму сроковых рабочих прибегали хозяйства всех посевных групп. Но беспосевные и малопосевные хозяйства нанимали сроковых рабочих в ограниченных размерах, причем, преимущественно для домашних услуг (няни, прислуга). С ростом мощности хозяйств их участие в найме сроковых рабочих повышалось. На долю многопосевных групп приходилось более одной трети всех сроковых рабочих и самый высокий процент долгосрочного найма. Учитывая, что мощные хозяйства в абсолютном большинстве имели семьи с несколькими своими работниками, можно уверенно сделать вывод: наем сроковых рабочих в зажиточных группах был не восполнением недостатка в рабочей силе, а отражением предпринимательских тенденций. Следует отметить, что из общего количества хозяйств, нанимавших сроковых рабочих в 1925 г., в следующем го-

⁴³ Уральское хозяйство в цифрах, 1929, стр. 490.

⁴⁴ Ф. Казанский. Наемный труд в уральской деревне. Свердловск, 1928, стр. 9.

⁴⁵ Там же, стр. 27.

ду повторили наем около 56 %, причем, в хозяйствах с посевом свыше 16 десятин повторный наем сохранился на 87,6 %. В многопосевных хозяйствах наемные рабочие на 94—95 % использовались по прямому назначению—на сельскохозяйственных работах⁴⁶. В кулацких хозяйствах наемные рабочие подвергались систематической эксплуатации. Условия наемного труда в крестьянских хозяйствах строго регламентировались советскими законами. Однако кулачество всячески стремилось обойти законодательство, не оформляло договоров с батраками или нарушало их. На 1 июля 1927 г. было охвачено трудовыми договорами лишь 45,9 % сроковых рабочих, занятых в сельском хозяйстве, на 1 июля 1928 г.—52,4 %⁴⁷. Условия найма устанавливались союзом сельхозлесрабочих, но контроль за их соблюдением был крайне недостаточен. Отсюда, почти в пятой части трудовых договоров практиковались отработки за инвентарь, рабочий скот, семенную или продовольственную ссуду. В договорах часто встречались разного рода натуральные оплаты труда, понижающие заработок батрака. Заработная плата срокового рабочего была очень низкой, включая стоимость питания, она составляла 16 руб. 49 коп.⁴⁸

В то же время среднемесячный заработок рабочего совхоза равнялся 30 руб., а в сельских обществах—22—24 руб. Более или менее достаточный заработок имели пастухи, получавшие до 34 руб. в месяц, но на них возлагалась большая ответственность за сохранение скота⁴⁹.

Общеполитические и социальные мероприятия советского правительства, направленные на защиту батрачества и ограничения капиталистических устремлений зажиточной верхушки деревни, кулачество встречало в штыки, переходя на скрытые формы найма. Так, по данным Сарапульского союза сельхозлесрабочих, в Воткинском районе кулак Вострокнутов заключил с батраком Белобородовым трудовой договор как с учеником, а использовал его как сельскохозяйственного рабочего. Заработную плату платил ниже установленного госминимума⁵⁰.

Имелось множество случаев, когда кулаки нанимали батраками однофамильцев, выдавая их за своих родственников. В Нижне-Сарарском сельском рабочкоме Троицкого округа кулак Харитонов, имевший 18 десятин посева, 5 рабочих лошадей, 5 дойных коров, полный инвентарь и т. д. держал батрачку под видом сестры. За 5 месяцев работы заплатил ей 7 руб. деньгами и 2,5 фунта шерсти. Харитонova не была членом союза, и хозяин запретил ей посещать собрания⁵¹.

---

⁴⁶ ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 2.

⁴⁷ Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале, Свердловск, 1929, стр. 35.

⁴⁸ Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале, Свердловск, 1929, стр. 35.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 300, л. 135.

⁵¹ ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 300, л. 150 об.

О распространенности нелегальных форм найма можно судить по данным облизбиркома. Из 88219 человек, лишенных избирательных прав, 9007 человек или 10,2% приходилось на лиц, применявших наемный труд с целью эксплуатации⁵².

Советское государство лишало эксплуататорские элементы политических прав, ограничивало развитие капиталистических тенденций в деревне. Законы регламентировали применение наемного труда в единоличных хозяйствах. Кулацкие хозяйства облагались повышенными налогами. В итоге легальный наем сократился со 130964 наемных рабочих в 1927 г. до 76590 в 1929 г.⁵³ Особенно резко упало количество хозяйств с наймом рабочих в зажиточной группе. По данным динамической переписи число кулацких хозяйств, прибегающих к найму рабочих, сократилось с 90,5% в 1927 г. до 57,0% в 1929 г. Одновременно среднее число дней найма на одно нанимавшее хозяйство уменьшилось в кулацкой группе с 165,8 до 52,9 дней в году. В то же время советское государство оказывало разнообразную помощь бедноте. Сельскохозяйственные машины и орудия государственные и кооперативные организации отпускали в первую очередь и на льготных условиях бедноте и коллективам. Вот, например, данные о социальном составе покупателей со складов окружного отделения акционерного общества Уралсельхозснабжение: бедняки составляли 24,6%, середняки—66,4 и зажиточные—9%⁵⁴. Кроме того, беднота получала лучшие земли, бесплатное землеустройство, освобождение от налогов и т. д. В 1926 г. был создан специальный фонд кредитования бедноты, который к концу 1927 г. превысил 1 млн. руб.⁵⁵ Большую помощь государство оказывало бедноте через прокатные и зерноочистительные пункты, через сеть ККОВ. В 1927 г. ККОВ выдавало бедноте 212 тыс. пудов семян, а в 1928 г.—200 тыс. пудов. Трудовая помощь в 1927 г. была предоставлена 5750 бедняцким хозяйствам, а в 1928 г. свыше 12 тыс.⁵⁶ В 1928 г. в орбиту деятельности прокатных и зерноочистительных пунктов были вовлечены 49,6% бедняцких хозяйств, 46,9—средняцких и 3,5% —выше средняцких хозяйств⁵⁷. В итоге материально-бытовое положение бедняцких и маломощно-средняцких слоев крестьянства в определенной степени улучшилось. Заработная плата батрака увеличилась с 13 руб. 66 коп. в 1926 г. до 18 руб. 70 коп. в месяц в 1929 г.⁵⁸ Одновременно партийные и советские организации области вели значительную политическую работу с беднотой путем организации групп бедноты, собраний, конференций и т. д. Только за один 1927/28 г. по далеко не полным данным на Урале бы-

---

⁵² ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 300, л. 143.

⁵³ Уральское хозяйство в цифрах, труд на Урале, вып. 3, Свердловск, 1930, стр. 244.

⁵⁴ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 419, л. 53.

⁵⁵ ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 1, л. 58.

⁵⁶ Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале, Свердловск, 1929, стр. 87.

⁵⁷ ГАСО, ф. 239, оп. 2, д. 182, л. 254.

⁵⁸ Уральское хозяйство в цифрах, вып. 3, 1930, стр. 260.

ло проведено около 9 тыс. бедняцких собраний, более 70 конференций⁵⁹. Если в 1924 г. батраков, состоявших членами партии, насчитывалось только 95 человек, то в 1928 г. их уже было 1014 человек⁶⁰. Рост организованности и активности батрачества можно проследить и по таким данным: в 1928 г. было 111 133 наемных рабочих, из них с 110 044 в течение года были заключены трудовые договора⁶¹. Все это имело большое положительное значение в высвобождении бедноты от кулацкой кабалы. Но ликвидировать до конца капиталистические по своему существу отношения найма-сдачи рабочей силы можно было только в процессе социалистического преобразования сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса.

Итак, после революции произошло некоторое уравнивание в размерах крестьянских хозяйств. Сократилось число безземельных, беспосевных, безлошадных и безинвентарных хозяйств. Меньше стало и многоземельных, многоскотных хозяйств. Но это не означало полного хозяйственного уравнивания. По-прежнему оставались крестьянские хозяйства, не имеющие или инвентаря, или лошади, или крупного рогатого скота. Во-вторых, многие хозяйства, хотя и имели сельскохозяйственные орудия, инвентарь и скот, но распределены они были между главными группами крестьянства доколхозной деревни крайне неравномерно. Нехватка сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота у огромного большинства бедняцких и части середняцких хозяйств неизбежно порождала их эксплуатацию зажиточной верхушкой деревни, сконцентрировавшей в своих руках значительную часть средств производства. Неравномерность распределения орудий и средств производства среди различных социальных групп крестьянства создавала почву для развития наемного труда. Отношения найма-сдачи рабочей силы имели место во всех социальных группах уральской доколхозной деревни, но содержание их было различным. Кулацкая часть деревни нанимала рабочих с целью получения прибыли. Существовала определенная группа кулацко-зачиточных слоев деревни, которая полностью или частично базировалась на эксплуатации наемного труда. Бедняки и середняки нанимали рабочих вместе с машинами, инвентарем или рабочим скотом. Источником наемной рабочей силы был, главным образом, сельскохозяйственный пролетариат, лишенный средств производства, и бедняцкие слои деревни.

Средняцкие хозяйства отпускали рабочую силу в незначительной степени, а кулацкие—в совершенно ничтожном количестве. Эксплуатация наемного труда была одним из наиболее ярких проявлений капиталистических отношений в доколхозной деревне. Советское государство принимало в этот период ряд мер, направленных на облегчение положения бедноты, на хозяйственное укрепление маломощных хозяйств, на освобождение их от кулацкой эксплуатации.

---

⁵⁹ Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале, Свердловск, 1929, стр. 77, 79.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 54 66, оп. 2, д. 662.

⁶¹ Там же, д. 1376.

Но ликвидировать до конца отношения найма-сдачи рабочей силы в тех условиях было невозможно. Самым радикальным методом решения этой задачи, как показал опыт, было осуществление ленинского плана кооперирования крестьянства.
